

RUSSIAN NATIONAL TYPE IN LITERATURE AND PHILOSOPHY

N. Orlova

Summary. This article is devoted to the problem of determining the national type of the Russian people and the difficulties of understanding the Russian national mentality. The features of the Russian national character are indicated with their further consideration and opposition to the «average» Western person based on the analysis of works of fiction and the works of Russian philosophers. The article compares both positive and negative features of the Russian national type.

Keywords: culture, mentality, identity, values, Russian national type, Russian national character.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП В ЛИТЕРАТУРЕ И ФИЛОСОФИИ

Орлова Наталья Георгиевна

*Аспирант, Российский государственный социальный университет (Москва)
Nata-Lia-Nata@yandex.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме определения национального типа русского народа и трудностям осмысления русского национального менталитета. Обозначаются черты русского национального характера с дальнейшим их рассмотрением и противопоставлением «среднему» западному человеку на основе анализа произведений художественной литературы и трудов отечественных философов. В статье осуществляется сопоставление как положительных, так и отрицательных черт русского национального типа.

Ключевые слова: культура, менталитет, идентичность, ценности, русский национальный тип, русский национальный характер.

Введение

Проблема определения русского национального типа является в значительной мере результатом трудности понимания национального менталитета русского народа в европейской культуре. С позиций доминирующего европоцентризма в культурологической науке решение этой проблемы не представляется возможным, поскольку оно исходит из западноевропейского культурного контекста во многом принципиально отличного от отечественных духовных традиций. Наиболее полно русский национальный тип представлен в русской философии и художественной литературе, которые по-настоящему еще не изучены исследователями отечественной культуры, чаще всего руководствующимися поверхностными стереотипами европейских исследователей по отношению к национальному менталитету русского народа. Такая недооценка философского и художественно-литературного отечественного наследия связана с отсутствием сложившейся научно-исследовательской традиции его культурологического изучения. Далее будут рассмотрены некоторые подходы к изучению этой темы как представляющие определенную значимость для дальнейших исследований русской культуры и национального менталитета русского народа.

Методика

Наиболее продуктивным в этой связи представляется изучение особенностей русского национального типа «от противного» — через выделение качеств русского

человека, составляющих его отличие от менталитета «среднего» представителя западно-европейской культуры. Одним из ведущих исследователей советского и западного общества, выдающимся отечественным логиком и писателем А. Зиновьевым были выделены наиболее существенные базовые социально-антропологические характеристики «западного человека» в сопоставлении с которыми оказывается возможным определить отличительные черты русского национального типа.

Среди этих характеристик, представляющих особый интерес для изучения последнего, такие как индивидуализм, изобретательное мышление и поведение, стремление к практической выгоде, высокий уровень деловых качеств, расчетливость, авантюризм, любознательность, эмоциональная черствость, холодность, тщеславие, повышенное чувство собственного достоинства, высокая степень самодисциплины и самоорганизации, стремление управлять другими и способность к этому, способность скрывать свои чувства, склонность к театральности, опыт колонизатора и завоевателя [5].

Исследователем русской культуры А. В. Каменцом были выделены характеристики русского национального типа в противоположность вышеназванным [6]. Так, индивидуализму западного человека в русском национальном типе противостоит склонность к коллективистским взаимоотношениям; изобретательность, сплошь и рядом вытесняется подражанием уже имеющимся достижениям. В противоположность распространённому практицизму европейцев традиционному русскому

национальному типу свойствен идеализм; вместо деловитости — беспечность; расчетливости — нерасчетливость. В отечественном социокультурном опыте также отсутствует в отличие от Запада склонность к авантюрам как устойчивая поведенческая характеристика. Зато присутствует стремление к созерцательности, душевность, пылкость, честолюбие, которое может сочетаться со смирением. При этом в социальном поведении может присутствовать частое проявление импульсивности и произвольности. В русском национальном типе в то же время отсутствует стремление управлять кем-либо в качестве устойчивой поведенческой доминанты. Также можно отметить готовность к эмоциональному самораскрытию и нежелание публично демонстрировать себя. На особенности русского национального типа также существенно повлиял опыт «собирателя земель» и покровителя других народов в отличие от колонизаторского опыта европейцев. Все эти черты русского национального типа могут представлять собой исходные типологические характеристики, которые могут быть исследованными и конкретизированными на материале трудов русских философов и произведений русской художественной литературы.

Результаты

Приведенное сопоставление особенностей русского национального типа с чертами «среднего» западного человека (в терминологии А. Зиновьева — «западоида») может восприниматься не всегда в пользу первого. Но при более внимательном и тщательном рассмотрении оказывается, что именно сочетание выделенных выше качеств позволило сформироваться уникальному русскому характеру, представляющему достояние всей мировой цивилизации и культуры.

Так, распространенные упреки представителям русского суперэтнуса в недостаточной инициативности, лени, индивидуальной активности являются оборотной стороной нежелания участвовать в какой-либо деятельности, если она лишена жизненного смысла. Об этом писал еще известный русский философ С. Л. Франк: «Русский человек страдает от бессмыслицы жизни. Он остро чувствует, что, если он просто «живет, как все» — ест, пьет, женится, трудится для пропитания семьи, даже веселится обычными земными радостями, он живет в туманном, бессмысленном водовороте, как щепка уносится течением времени, и перед лицом неизбежного конца жизни не знает, для чего он жил на свете. Он всем существом своим ощущает, что нужно не «просто жить», а жить для чего-то» [12, с. 263–264].

В этом же контексте иначе можно оценить и известного литературного персонажа Илью Обломова, ставшего показательным образцом «русской лени».

В современном либеральном дискурсе этому герою противопоставляется другой персонаж романа Гончарова — деятельный Штольц, который оценивается как необходимая альтернатива «обломовщине» в современной модернизирующейся России. Внимательное же изучение романа «Обломов» показывает, что трактовка главного персонажа как примера разложившегося бездельника выглядит неоправданным упрощением. Некоторые монологи Обломова раскрывают его мотивацию неучастия в активной социальной жизни как нежелание разменивать свою жизнь на мелочную суету и бессмысленную с его точки зрения погоню за жизненным успехом, основанном на материальном благополучии как главной жизненной цели.

Указанная выше эмоциональность и отзывчивость русского национального типа, часто противопоставляемая западной рациональности как «слабость» русского национального характера, на деле представляет собой способность к пониманию и сострадательности к самым различным людям независимо от национальности, культуры, этничности, общества и т.д., что является уникальным ресурсом дальнейшего самосохранения и развития всей человеческой цивилизации. Эта особенность русского человека представлена, например, в образе Максима Максимовича в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова. Именно это качество русского человека в данном аспекте оценивал великий русский писатель Ф. М. Достоевский.

В этом же контексте можно оценивать и учение русского философа Соловьева о «всеединстве», которое может быть создано на путях всеобщей христианской любви и единения всех народов [9].

Необходимо также отметить и повышенную саморефлексию представителей русского национального типа, позволяющую им критически оценивать собственные негативные качества и недостатки, которые могут быть выражены как «голос совести». Вот какую характеристику этому качеству дает Ф. М. Достоевский: «Я как-то слепо убежден, что нет такого подлеца и мерзавца в русском народе, который бы не знал, что он подл и мерзок, тогда как у других бывает так, что делает мерзость, да еще сам себя за нее похваливает, в принцип свою мерзость возводит, утверждает, что в ней-то и заключается порядок и свет цивилизации, и несчастный кончает тем, что верит тому искренно, слепо и даже честно. Нет, судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и все это в самом привлекательном гармоническом соединении. А если при этом и так много грязи, то русский человек

и тоскует от нее всего более сам, и верит, что все это — лишь наносное и временное, наваждение дьявольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет» [4, с. 199–200].

Таким образом, именно подмечаемый многими западными и прозападными исследователями чрезмерный идеализм традиционного русского характера позволяет сверять с принятыми идеалами собственные несовершенства и недостатки, которые необходимо преодолевать в процессе духовно-нравственного самосовершенствования [7,8,11,14].

Выделяемая еще одна черта русского национального типа — смирение, традиционно критикуется как неумение и нежелание противостоять в борьбе с антагонистами, покушающимися на его благополучие и свободу в отличие от представителей западного мира, всегда готовыми к борьбе за свои права, свободы, жизненное пространство [3].

Эта русская национальная черта имеет два основания, освещаемые как в духовно-религиозной традиции, так и в творчестве русских писателей. Первое основание представляет собой проявление необходимости христианского смирения перед силами зла, которые, в конечном счете, побеждаются силой любви и кротости. Этот акцент в христианской вере наиболее полно представлен в трудах православных мыслителей и многих русских писателей. Достаточно упомянуть знаменитую теорию Л.Н. Толстого о «непротивлении злу насилием», которая, как известно, была воплощена в освободительном движении Ганди.

Второе основание смирения — это приобретенный русским народом опыт выживания в экстремальных условиях подавления более сильным противником и тоталитарными режимами. «Умение терпеть», сохраняя при этом человечность и любовь к жизни и ее простым радостям, обеспечили русскому человеку необыкновенную выживаемость и жизнестойкость в разнообразных испытаниях и в ситуациях иноземных нашествий [13].

В русской литературе был создан соответствующий тип, лишенный озлобленности, мстительности и совмещающий в себе мужество, умение терпеть лишения и неиссякаемую человечность. Галерея этих литературных персонажей достаточно велика, начиная от Платона Каратаева, кончая Василием Теркиным, что свидетельствует о распространенности этого типа личности в российском обществе.

В то же время критикуемая социальная пассивность русского национального типа не учитывает того обстоятельства, что в российском обществе сформировался

иной тип социальности в сравнении с привычными стереотипами социального поведения в западных обществах.

Так, например, история России изобилует примерами героического самопожертвования русских людей, как на полях войны, так и в труде на благо отчизны. Именно в таком служении своей Родине русские люди, как показывает изучение отечественной истории и художественной литературы, обретают истинный смысл своего существования. Потеря же этого смысла по свидетельству русских писателей приводит к деградации личности и глубоким страданиям. Отсюда длинный ряд т.н. «лишних людей» в русской художественной литературе.

Отечественная традиция общественного служения чаще всего сочетается с государственным служением. В этой связи не случайно, что представленные в русской литературе образы «нигилистов» и «революционеров» (за исключением советского периода) являются скорее исключением, чем правилом. Причем служение государству нераздельно от верности государю и именно этот верно подданический пафос пронизывает труды выдающегося русского философа И. Ильина, посвященные политическим проблемам российского общества.

В этой связи самосознанию русского человека, как правило, присуще особое «чувство Родины», которое пронизывает произведения русской художественной литературы подавляющего большинства русских писателей — Фонвизина, Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Достоевского и т.д.

При этом важно отметить, что идеи и ценности патриотизма, особенно в ситуациях внешней угрозы, как правило, сплачивают в единую общность все слои общества. Достаточно вспомнить многих героев «Войны и мира» Л.Н. Толстого, проявляющих готовность к самоотверженному служению Родине и чудеса самопожертвования.

Особо следует отметить, что русский национальный тип воплощает в себе духовность, коренным образом отличающуюся от представителей многих других народов и этносов. Эта духовность основана на глубокой религиозности, подкрепляемой соответствующим чувством соборности, которое часто смешивают с коллективизмом. Реальная же соборность предполагает единение верующих перед лицом Бога, единую систему религиозных ценностей и христианского служения.

Последнее рассматривается не только в масштабе отдельных христианских общин, приходов, страны, но и может достигать всемирных масштабов. Стремление к всемирному служению в этой связи не случайно

воплотилось в таком своеобразном течении русской философии как «русский космизм», основоположником которого, как известно, является выдающийся русский философ Н. Федоров. Предложенная им идея «оживления предков» при всей ее фантастичности отразила чаяния русского народа о пасхальной победе над смертью и почитание ушедших из жизни близких людей. Но есть в «русском космизме» и другая сторона — стремление русского человека к «миру горнему», предполагающему не только духовное самосовершенствование, но и воплощение дерзновенной мечты об освоении природы в космических масштабах (К. Э. Циолковский).

Обсуждение

Рассмотренные выше характеристики русского национального типа могут быть проинтерпретированы в современном социокультурном контексте. Одной из наиболее часто критикуемых особенностей большинства членов российского общества является его непротивление засилью бюрократического аппарата и неумение бороться за свои права в ситуациях злоупотребления своей властью некоторыми государственными чиновниками. Эта черта русского национального типа («рабская покорность» перед «сильными мира сего») отмечалась многими русскими философами и писателями. Не отрицая справедливости таких упреков, все же нельзя не отметить, что во многих случаях наблюдаемое непротивление «властям» отражает отмеченное исследователями особое уважение русского человека к государству и его институтам, которые разрушались чаще всего из-за чрезмерного деспотизма и подрыва авторитета государственности как таковой его руководителями.

Характерно, что даже в самых известных народных восстаниях (например, Разина, Пугачева) те, кто их возглавлял, объявляли себя будущими царями т.е. государственными правителями. Известная христианская норма «всякая власть от Бога» при всех ее издержках в реальной политической и социальной жизни русского народа позволяла, в конечном счете, ему сохранять себя и свою национально-культурную идентичность. С другой стороны, в сознании русского национального типа сохранилось отделение чиновничества от государственности, которая традиционно воспринималась как необходимость служения обществу для каждого русского человека.

Несмотря на произошедшее разделение «священства» и «царства» в эпоху Петра I, процессы секуляризации в массовом сознании большинства членов российского общества верховная власть по-прежнему сакрализуется и носит персонифицированный характер [1,2]. С позиций «просвещенного» европейца такое

отношение к своим главам государств оценивается как пережиток прошлого. Но с другой стороны — сама верховная власть в России, в конечном счете, оценивается народом, обществом в контексте системы нравственных требований к личности «первого лица», что оставляет возможности для дальнейшего духовного самосовершенствования и «очеловечивания» верховной власти в интересах всего общества, а не отдельных его представителей и социальных групп.

Нельзя также не отметить, что традиционная религиозность русского народа в современных условиях несмотря на значительную трансформацию остается существенной характеристикой русского национального типа. Это выражается не только в значительно возросшем интересе к церковной жизни и соответствующей обрядности многих членов общества, но и в сохраняющейся устойчивой традиции представителей русского национального типа отвращения к материальной выгоде, практической пользе в ущерб человеческим взаимоотношениям, взаимопомощи, состраданию, солидарности, любви к ближнему. Эта черта русского человека обстоятельно описана в современной художественной литературе на примере воинского братства в «горячих точках» (например, в творчестве З. Прилепина), в семейно-личных отношениях (например, творчество писателя Санаева), сельского жизненного уклада («писатели-деревенщики»), в церковно-религиозной жизни (Т. Шевкунов) и др.

Сохраняется и «всемирная отзывчивость» русского национального типа по отношению к представителям разных культур, народов, этносов, которая также широко представлена в творчестве современных русских писателей и философов.

Заключение

Анализ произведений художественной литературы, трудов отечественных философов прошлого и настоящего позволяет сделать вывод о незыблемости в русском национальном типе стремления к высшим гуманистическим духовным ценностям, противостоящим эгоистической и индивидуалистической морали. Именно в этом контексте и оценивалась русская идея русским философом П. Б. Струве, суть которой, по его мнению, состоит в достижении гармонии между государством и народом на основе взаимопонимания и взаимоподдержки в интересах всего общества [10]. Если государственная власть не соответствует этому требованию, то нравственный суд общества осуществляется, прежде всего, над личностью «власть предержащих» и ее нравственными качествами. Именно в сохранении и воплощении этой идеи присутствует залог дальнейшего сохранения и развития российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990. — 223 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. — СПб.: Азбука, Азбука, Аттикус, 2012. — 320 с.
3. Гудков Л. Негативная идентичность. — М.: Новое литературное обозрение. «ВЦИОМ — А», 2004. — 816 с.
4. Достоевский Ф. М. Избранное. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. — 400 с.
5. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004. — 608 с.
6. Каменец А. В. Концептуальные основы культурной политики. — М.: МГУКИ, 2005. — 195 с.
7. Когатько Д. Г., Тхакахов В. Х. Российская идентичность. — СПб.: Алетейя, 2010. — 136 с.
8. Кожин В. В. О русском национальном характере. — М.: Алгоритм, 2002. — 384 с.
9. Соловьев В. Национальный вопрос в России / Владимир Соловьев. — М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. — 505 с. (Философия; Психология).
10. Струве Б. П. Великая Россия / Философия серебряного века. — СПб.: Паритет, 2009. — С. 212–214.
11. Трофимов В. К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение Русского менталитета. — Ижевск: ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2010. — 408 с.
12. Франк С. Л. Смысл жизни / Философия серебряного века. — СПб.: Паритет, 2009. — С. 261–278.
13. Хренов Н. А. Русский протей. — СПб.: Алетейя, 2007. — 400 с.
14. Шестов Л. Аполофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. — СПб.: Авалонь, Азбука — Аттикус, 2011. — 224 с.

© Орлова Наталья Георгиевна (Nata-Lia-Nata@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный социальный университет